

Александр Сергеевич Пушкин

На углу маленькой площади...

Содержание

Глава I.....	.0004
Глава II.....	.0009

**Александр Сергеевич
Пушкин**

На углу маленькой площади...

Глава I

Votre coeur est l'éponge imbibée de fiel et de vinaigre.

Correspondance inédite[1]

На углу маленькой площади, перед деревянным домиком, стояла карета, явление редкое в сей отдаленной части города. Кучер спал лежа на козлах, а фореитор играл в снежки с дворовыми мальчишками.

В комнате, убранной со вкусом и роскошью, на диване, обложенная подушками, одетая с большой изысканностью, лежала бледная дама, уж не молодая, но еще прекрасная. Перед камином сидел молодой человек лет 26, перебирающий листы английского романа.

Бледная дама не спускала с него своих черных и впалых глаз, окруженных болезненной синевою. Начало смеркаться, камин гаснул; молодой человек продолжал свое чтение. Наконец она сказала: Что с тобою сделалось, Валериан? ты сегодня сердит.

– Сердит, – отвечал он, не подымая глаз с

своей книги.

– На кого?

– На князя Горецкого. У него сегодня бал, и я не зван.

– А тебе очень хотелось быть на его бале?

– Ни мало. Чорт его побери с его балом. Но если зовет он весь город, то должен звать и меня.

– Который это Горецкой? Не князь ли Яков?

– Совсем нет. Князь Яков давно умер. Это брат его, князь Григорий, известная скотина.

– На ком он женат?

– На дочери того певчего... как бишь его?

– Я так давно не выезжала, что совсем раззнакомилась с вашим.[2] Так ты очень дорожишь вниманием князя Григория, известного мерзавца, и благосклонностию жены его, дочери <певчего>?

– И конечно, с жаром отвечал молодой человек, бросая книгу на стол. – Я человек светской и не хочу быть в пренебрежении у светских Аристократов. Мне дела нет ни до их родословной, ни до их нравственности.

– Кого ты называешь у нас Аристократа-

ми?

– Тех, которым протягива<ет> руку графин<я> Фуфлыгин<а>.

– А кто такая гр.<афиня> Фуфлыгина?

– Наглая дура.

– И пренебрежение людей, которых ты презираешь, может до такой степени тебя расстр<оивать>! сказала дама, после некоторого молчания. Признайся, тут есть и иная причина.

– Так: опять подозрения! опять ревность! Это, ей-богу, несносно.

С этим словом он встал и взял шляпу.

– Ты уж едешь, сказала дама с беспокойством. Ты не хочешь здесь отобедать?

– Нет, я дал слово.

– Обедай со мною, продолжала она ласковым и робким голосом. Я велел<а> взять шампанского.

– Это зачем? разве я московский банкومت? разве я без шампанского обойтись не могу?

– Но в последний раз ты нашел, что вино у меня дурно, ты сердился, что женщины в этом не знают толку. На тебя не угодишь.

– Не прошу и угождать.

Она не отвечала ничего. Молодой человек тотчас раскаялся в грубости сих последних слов. Он к ней подошел, взял ее за руку и сказал с нежностью: Зинаида, прости меня: я сегодня сам не свой; сержусь на всех и за всё. В эти минуты надобно мне сидеть дома... Прости меня; не сердись.

— Я не сержусь, Валериан: но мне больно видеть, что с некоторого времени ты совсем переменялся. Ты приезжаешь ко мне как по обязанности, не по сердечному внушению. Тебе скучно со мною. Ты молчишь, не знаешь чем заняться, перевертываешь книги, приходишься ко мне, чтоб со мною побраниться и уехать.... Я не упрекаю тебя: сердце наше не в нашей воле, но я....

Валериан уже ее не слушал. Он натягивал давно надетую перчатку и нетерпеливо поглядывал на улицу. Она замолчала с видом стесненной досады. Он пожал ее руку, сказал несколько незначущих слов и выбежал из комнаты, как резвый школьник выбегает из класса. Зинаида подошла к окошку; смотрела, как подали ему карету, как он сел и уехал. Долго стояла она на том же месте, опершись

горячим лбом о оледенелое стекло. – Наконец она сказала в слух: нет, он меня не любит, позвонила, велела зажечь лампу и села за письменный столик.

Глава II

Vous écrivez vos lettres de 4 pages plus vite que je ne puis les lire.[3]

****** Скоро удостоверился в неверности своей жены. Это чрезвычайно его расстроило. Он не знал на что решиться: притвориться ничего не замечающим, казалось ему глупым; смеяться над несчастьем столь обыкновенным – презрительным; сердиться не на шутку – слишком шумным; жаловаться с видом глубоко оскорбленного чувства – слишком смешным. К счастью жена его явилась ему на помощь.

Полюбив Володского, она почувствовала отвращение от своего мужа, сродное однем женщинам и понятное только им. – Однажды вошла она к нему в кабинет, заперла за собой дверь и объявила, что она любит Володского, что не хочет обманывать мужа и втайне его бесчестить – и что она решилась развестись. ******[4] встревожен таким чистосердечием и стремительностью. Она не дала ему времени опомниться, в тот же день переехала

с А.<нглийской> наб.<ережной> в Коломну и в короткой записочке уведомила обо всем В**<олодского>,[5] ожидавшего ничего тому подобного...

Он был в отчаянии. Никогда не думал он связать себя такими узами. Он не любил скуки, боялся всяк<их> обязанностей, и выше всего ценил свою себялюбивую независимость. Но всё было кончено. Зинаида оставалась на его руках. Он притворился благодарным и приготовился на хлопоты любовной связи, как на занятие должностное или как на скучную обязанность поверять ежемесячные счета своего дворецкого...

Примечания

1

*Ваше сердце – губка, напитанная желчью и уку-
сусом.*

Из неизданной переписки.

[^^^]

ВЫСШИМ ОБЩЕСТВОМ

[^^^]

3

Вы пишете письма по четыре страницы быстрее, чем я успеваю их прочитать.

[^^^]

был

[^^^]

5

He

[^^^]